№ 5 (101) 2021 ТЕМА НОМЕРА

«Богатству свойственно перераспределяться»

20.10.2021 ИНТЕРВЬЮ НАСЛЕДСТВО

В этом году исполняется пять лет реформе наследственного права. У нас появились совместные завещания, наследственные договоры и фонды [1]. 1 июня 2021 г. был принят в первом чтении законопроект о частных фондах. Скачкообразность и длительность реформы вполне объяснима: здесь право воздействует на наиболее чувствительные отношения. О

том, как меняется ситуация в отечественном наследственном и семейном праве и как опыт западных стран может быть использован в России, мы поговорили с одним из разработчиков реформы наследственного права, автором многочисленных монографий, доцентом Исследовательского центра частного права Евгением Петровым.

— Реформа наследственного права началась более пяти лет назад. В каком состоянии она сейчас?

— Реформа считается условно завершенной. В 2018 г. появились совместные завещания, наследственные договоры, наследственные фонды. Усовершенствованы механизмы передачи наследственной массы в доверительное управление. Конкретизированы полномочия назначенного завещателем душеприказчика. Обсуждается возможность сделать учреждаемые гражданами фонды не только наследственными, но и прижизненными: предоставить возможность обособлять имущество, определять выгодоприобретателя и правила его смены. Регулирование в этой части предполагается выделить из сферы наследственного права. Внесенный в 2019 г. Законопроект № 499538-7, возвратившийся к идее личного прижизненного фонда, не реализованной в 2018 г., получил отрицательное заключения правительства. Однако неслучайно тему частных фондов 18 мая вынесли на обсуждение на ПМЮФ. 17 мая в Государственную Думу был внесен законопроект № 1172284-7. На этот раз правовое управление посчитало, что проект не должен получать заключение правительства. 1 июня он был принят в первом чтении. Судя по всему, сторонники возможности прижизненного обособления имущества, предназначенного для удовлетворения материальных и иных потребностей обозначенных учредителем лиц, одерживают верх.

— Каково Ваше мнение в отношении этого законопроекта?

— От себя хотел бы отметить, что норма законопроекта о том, что личный фонд может создавать только тот, у кого есть сто миллионов рублей, напоминает знаменитое высказывание Сергея Полонского и выглядит неконституционной. Но с оговорками сама по себе модель частного фонда или траста работает: есть траст в странах общего права, фонды в европейских странах. Есть способы защитить интересы налоговых органов, кредиторов, обязательных наследников, супруги правообладателя. Но при этом, допустим, для траста в странах общего права, в Англии в частности, предусмотрен барьер — безвозмездная передача имущества в траст одновременно влечет за собой уплату налога на наследование и дарение [2]. У многих это сразу отбивает желание пользоваться таким инструментом.

— Но в Великобритании и налог на наследование высокий…

— Да, 40 %, но это отдельная тема. Такая высокая ставка обусловлена тем, что наследование считается не вполне справедливым способом обогащения. Кровь оказывает определяющее влияние на то, кто будет богатым, а кто бедным. И разрыв между бедностью и богатством только растет. Чтобы был равный старт, первые 325 тыс. фунтов налогом не облагаются, этот вычет подлежит суммированию с долей второго умершего супруга. Недвижимость определенной стоимости не облагается налогом. Более крупное наследство облагается высоким налогом, и наследники-счастливчики вынуждены поделиться с другими членами общества.

> В качестве примера возникающих проблем можно привести дело Natura Siberica. В настоящее время родственники умершего в начале 2021 г. Андрея Трубникова (срок принятия наследства истекает 7 июля)

судятся с юридическим агенством «Сезар Консалтинг», с которым нотариус заключила договор доверительного управления акциями, обжалуя вывод денег доверительным управляющим. Схожая проблема уже не первый год существует в банкротстве, но в наследственном праве она пока в меньшем фокусе у законодателя и судов.

— Как Вы считаете, нужно ли России следовать такому подходу и вводить налог на наследство?

— Разговоры о возврате к налогу на наследство в России периодически возникают, но пока без последствий. Считается, что администрирование будет стоить дороже. Я считаю, что логика европейских государств заслуживает внимания. Когда наследство превышает условно 1 млн евро, социальная справедливость требует, чтобы родственники, которым имущество досталось не за их личные трудовые заслуги, поделились с остальными членами общества. Алгоритм администрирования тоже может быть простым. Подаешь нотариусу заявление о принятии, как в Англии; декларацию, где определена стоимость имущества; и документ об уплате налога. После этого можешь оформлять наследственные права. Если ты обманул, то на этот момент никто тебя проверять не будет, но в последующем, если попадешь в выборочную проверку и будет установлено, что что-то не учтено, где-то занижена стоимость, тебя серьезно накажут.

— А если в наследство достаются не свободные денежные средства или имущество, а бизнес, где все финансы находятся в обороте. Справедливо ли в этом случае чего-то требовать от наследника?

— Есть очень хороший опыт Германии. Если организация на протяжении пяти–семи лет продолжает свою работу, фонд оплаты труда не снижается, количество трудоустроенных

тоже, то есть деятельность продолжается, значит наследник приносит обществу благо и заслуживает права на отсрочку уплаты налогов или вообще освобождается от них. Если наследник не заплатил налог, то его с него взыщут. Если он не стал принимать наследство, то оно перейдет к следующему в очереди призываемому родственнику. И так до того момента, пока не будет объявлена ситуация выморочности.

— А что, если наследник хочет оставаться «свободным художником», а не заниматься бизнесом? Наверное, нужен профессиональный управляющий? Проблема заключается в отсутствии качественной инфраструктуры для обеспечения владельческой преемственности — тех самых фондов, куда временно на определенных условиях переходило бы управление бизнесом.

— Отсутствие структуры, эффективно решающей вопросы передачи имущества, — большая проблема. В конце пищевой цепочки всегда оказываются люди, и это корень того, что, оказывается, передавать некому. Все бизнес-тренеры говорят о построении династии, семейной конституции, воспитании преемника… Потому что, если некому оставить свое дело, то, хоть какие документы составь, после открытия наследства имущество начнет терять в цене. Нельзя сказать, что это плохо. Это естественно: кто-то получает больше, кто-то меньше, по заслугам. Не научили наследников управлять, не воспитали преемников — в следующем поколении семья может немножко и потерять.

Зато другие приобретут — богатству свойственно перераспределяться. Сейчас появились наследственные фонды. Родственникам вверяют не все, а еще при жизни наследодателя создают управленческую команду, в которую могут быть включены и родственники. Для крупного и среднего бизнеса это неплохо, а вот для малого — не столь эффективно, потому что он существует в основном в форме индивидуального предпринимательства, где все работает по упрощенной системе налогообложения. Когда имущество ИП передается

юридическому лицу, возникают сложности с использованием УСН. Наследственный фонд, распределяя имущество и деньги выгодоприобретателям, должен, например, удержать с них НДФЛ, то есть количество уплачиваемых налогов возрастает. В сегменте малого бизнеса наследственному фонду будет сложно конкурировать.

> Юрфирмы начинают анонсировать открытие семейно-наследственной практики, когда есть не только оформление наследственных прав, но и наследственное планирование. И вот внутри наследственного планирования предлагаются услуги по тому, как упаковать активы на будущее, в том числе услуги душеприказчика

— Сколько у нас создано наследственных фондов с момента принятия Закона?

— Я пока не слышал ни об одном. Закон принят в 2018 г. Надо посмотреть, сколько составлено завещаний, предусматривающих создание наследственного фонда. Это закрытая информация — в системе реестра доступ к содержанию завещания появляется только тогда, когда наследство открылось. Насколько я знаю, по состоянию на 2019 г. Федеральная нотариальная палата располагала сведениями о наличии примерно 500 завещаний, предусматривающих создание наследственного фонда. В принципе, для нынешних обладателей богатства это привлекательная идея. Им предоставляется возможность написать собственное наследственное право и «пережить» себя как правообладателя, заменив бренное тело на юридическое лицо, которое будет существовать вечно и руководствоваться правилами, созданными для него завещателем, — этакий клон завещателя, так называемый посмертный контроль. Собственникам это всегда кажется интересным.

— Пятьсот завещаний — это достаточно много с учетом того, что в рейтинге Forbes у нас 200 миллиардеров.

— Считается, что порог входа очень высокий. На самом деле это не так. Конечно, тех предпринимателей, которые не платят НДС, наследственный фонд пугает, но и они подумывают о нем. Получается, это не такие уж большие капиталы. В ситуации, когда у предпринимателя несколько групп наследников, несовершеннолетние и совершеннолетние дети (часто от разных браков), пожилые родители, уверенность в том, что общность призываемых наследников сумеет договориться между собой и проявить себя в управлении бизнесом, невысокая. Поэтому здесь как альтернатива появляется наследственный фонд: никому в руки ничего не дается, находится сторонний профессиональный управляющий (вроде, такие появляются), или же наследодадтель при жизни воспитывает из своих сотрудников будущих управляющих.

Как промежуточный вариант, конечно, хорош институт душеприказчика. Его полномочия расширили. Я полагаю, что душеприказчик может просто распродать активы, требующие управления, и по делить деньги между наследниками. В этом случае наследственный фонд не нужен.

— Насколько у нас развит институт душеприказчика? Есть ли профессионалы, готовые этим заниматься?

— Если это финансовые активы, то за рубежом представитель банка обычно говорит: «Мы примем ваши финансовые активы в управление. Давайте траст прижизненный, посмертный, еще какие-то инструменты, купите страховку...» У наших банковских структур, думаю, есть какие-то private banking решения, потому что часто говорят, что банку отдавать наследникам финансовые активы напрямую целиком не очень выгодно. Клиент может уйти из этого банка. А вот оставить в нем деньги, получив за это что-то дополнительно, может показаться ему привлекательным.

Кроме того, юрфирмы начинают анонсировать открытие семейно-наследственной практики, когда есть не только оформление наследственных прав, но и наследственное планирование. И вот внутри наследственного планирования предлагаются услуги по тому, как упаковать активы на будущее, в том числе услуги душеприказчика. Сейчас в закон внесены достаточные изменения, и душеприказчиком может быть не только гражданин.

До появления больших наследств, состоящих из имущества, нуждающегося в управлении, душеприказчики были большой экзотикой. В основном их назначали творческие люди, которым было важно, чтобы кто-то следил за их авторскими правами или обеспечивал работу дома-музея. Все остальные не видели в этом никакого смысла. Но сейчас нотариусы, которые специализируются на наследственных делах, говорят, что проект завещания невозможен без фигуры душеприказчика. А кто им оказывается? Заместитель по работе, деловой партнер либо супруг. Кто угодно, но душеприказчик остается. Какие полномочия он получает? По умолчанию у него просто в доверительном управлении оказывается вся наследственная масса. Но, в принципе, полномочия могут быть конкретизированы: что-то раздать, какие-то долги взыскать, а какие-то пусть взыскивают сами наследники.

— Получается, что эта практика пока еще формируется?

— Да, у нас была скачкообразная реформа. Граждане пока присматриваются ко всем изменениям. В нашем исследовательском центре частного права на конец 2022 г.

запланировано научное исследование текущего состояния наследственного права и практики применения отдельных норм: очередей наследников по закону, способов принятия наследства, ответственности наследников по долгам. По результатам этого исследования будут даны рекомендации по поводу перехода на другие рельсы при наследовании. А пока есть внутреннее ощущение того, что еще многое требует изменения, в том числе для стимулирования развития инфраструктуры — чтобы финансовые институты не боялись связываться с наследственным правом.

— Есть мнение, что профессиональные управляющие помогут обезопасить бизнес от вхождения третьих лиц, например наследников без надлежащей квалификации или к которым у партнеров наследодателя просто нет доверия. Закон об ООО дал такую возможность, а как быть остальным компаниям?

— И в России, и в других юрисдикциях такая возможность есть. Вы правильно упомянули статью 21 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, которая позволяет включить в устав оговорку о согласии переживших участников на переход доли к наследникам.

Применительно к Закону об акционерных обществах такого правила нет. Но если это непубличные акционерные общества, то они могут включать в устав все, что не запрещено законом. Кроме того, есть корпоративный договор, который может быть заключен между участниками и предусматривать опционы по выкупу по фиксированной или определяемой цене акций, принадлежавших умершему акционеру, в пользу переживших его акционеров. Во всем мире ощущается потребность в стабильности состава участников малых и средних компаний. Законодатель считает эту потребность заслуживающей внимания и предоставляет возможность договориться. Плохо, что люди не обсуждают данную тему при жизни.

— Как реализуется опцион, если обязанное по нему лицо умирает? Кто выступает продавцом?

— Опционы — это не реальные обязательства, которые следуют за акцией, у кого бы она ни находилась. Тот, кому дан опцион, может его реализовать. Продав акции третьему лицу, я буду нести ответственность за несостоявшееся отчуждение в пользу того, кому я предоставил опцион, но акции останутся у третьего лица — таково общее правило. Вопрос в том, действует ли это в отношении универсальных правопреемников, которые заступают на места наследодателя. По нашему мнению, они связаны таким опционом. Если кто-то получил право выкупить акции по определенной цене, под отлагательным условием (смерть того, кому они сейчас принадлежат), то когда это условие наступило, реализацию опциона в ООО обеспечивает нотариус, даже если круг наследников не определился, акцепт может быть сделан в открытое наследственное дело. Его, кстати, могут открыть и кредитор, и держатель опциона. Нотариус, получивший акцепт, отправит в ЕГРЮЛ документы о переходе доли в уставном капитале в результате реализации опциона. Данную схему можно совершенствовать так, чтобы у передающего опцион лица было завещание и чтобы был душеприказчик, наделенный полномочиями на реализацию доли и получение оговоренной платы за нее. Это оптимальный вариант, потому что наследники могут оказаться некомпетентны в вопросах бизнеса наследодателя.

> В германской модели, если я претендую на распределение приращения, происходит расчет стоимости имущества, которое было у каждого из супругов на старте, и имущества, которое имеется у каждого из них на финише их взаимоотношений. А потом разница в пользу того, кто меньше приобрел в свою собственность в период брака, присуждается тому, кто слабее по показателям

— Отклонимся немного в сторону семейного права. А как быть с супругами?

— Что касается супругов, то сейчас есть законопроект по корректировке их имущественных отношений. От модели общей совместной собственности мы не отказываемся, но в отношении бизнес-активов предлагалось пакеты акций, доли в уставном капитале от 20 % и выше считать неделимым имуществом и при разводе или в иных случаях раздела имущества между супругами оставлять за тем, за кем все это числилось ранее, присуждая другой стороне компенсацию.

> Евгений Петров — один из разработчиков реформы наследственного права, автор монографий «Основы наследственного права России, Германии, Франции» (2015), «Наследственное право России, состояние и перспективы развития: сравнительно-правовое исследование (2017), ответственный редактор третьего тома комментария серии «Глосса», посвященного наследственному праву. Доцент Исследовательского центра частного права.

— Какая все же форма собственности представляется наиболее оптимальной: совместная, раздельная или еще какая-либо, например отложенная?

— У каждой из этих моделей есть свои «за» и «против». Немцы, например, не видят двух лиц, которым нераздельно принадлежала бы одна вещь, кроме случаев, когда эти лица специально выбрали такой режим. В германской модели, если я претендую на распределение приращения, происходит расчет стоимости имущества, которое было у каждого из супругов на старте, и имущества, которое имеется у каждого из них на финише их взаимоотношений. А потом разница в пользу того, кто меньше приобрел в свою собственность в период брака (за счет того, что брак — это союз и в результате его заключения люди должны одинаково обогатиться), присуждается тому, кто слабее по показателям.

Если говорить об английской модели, то адвокат в бракоразводном процессе показывает текущее имущество супругов, примерно, так же, как у нас и дальше излагает заслуживающие

внимания, определенные в законе обстоятельства: почему, несмотря на то что имеющееся имущество принадлежит каждому из супругов раздельно (одно одному, другому другое), суд должен присудить в пользу своего клиента часть этого имущества либо компенсацию за счет того, что принадлежит второму супругу. Похожие правила предусмотрены на случай, если брак прекращается в связи со смертью, и оставшийся супруг считает себя обойденным в результате наследования, потому что умерший составил такое завещание. Даже если наследство открывается по закону, суд может перераспределить дополнительное имущество в пользу пережившего супруга, отступив от правил определения наследственных долей. Несмотря на высокую степень дискреции, есть и руководящие правила в отношении того, как суд должен определять доли между супругами в единоличном имуществе каждого из них.

> Нотариусам очень сложно определить долю пережившего супруга, был ли наследодатель титульным, следует ли выделять долю пережившему супругу и пр. В итоге все оказываются в суде

— В Англии суд играет большую роль. Хорошо ли это?

— В отсутствии большой дискреции суда есть свои преимущества. Несмотря на то что в Англии разработана формула разделения между супругами имущества, нажитого каждым из них в браке, на усмотрение суда оставлено достаточно многое. Когда многое зависит от суда, судебный процесс оказывается более дорогим. Получается, что приходится потратить больше, чем если бы для сторон действовало правило об общности имущества в натуре.

Есть и еще одна сложность с раздельным имуществом. При отчуждении имущества возможно злоупотребление со стороны одного из супругов, поскольку он является единоличным собственником. Потом могут оказаться неудовлетворенными какие-то требования о взыскании с него компенсации. Он объявит себя банкротом. Вроде бы, общность дает супругам больше гарантий в части того, что они не будут обделены, когда

брак прекратится. Вообще, при наследовании очень много сложностей.

— А по какому пути идут в России?

— Вплоть до начала 20-х годов прошлого века у нас была раздельная собственность у супругов. Однако в последующем было решено, что интерес каждого из них, особенно если одна из сторон является слабой (раньше это была женщина, а сейчас бывает по-разному), будет лучше защищен при условии общности в натуре. При прекращении брака доли в каждом объекте будут определены и тому и другому супругу. Потом суд же определит, кому какая вещь достанется, присудит компенсацию либо сохранит этот режим, который будет уже не совместной, а общей собственностью с определением долей.

Основной минус совместной собственности заключается в том, что ее трудно делить. В настоящее время у суда нет эффективных механизмов, позволяющих все выставить на продажу. Еще один минус состоит в том, что иногда собственность скрыта от глаз третьих лиц. Также может оказаться, что третье лицо пострадает, вступив в отношения с тем, кто являлся не единственным собственником имущества. Кроме того, нотариусам очень сложно определить долю пережившего супруга, был ли наследодатель титульным, следует ли выделять долю пережившему супругу и пр. В итоге все оказываются в суде.

При раздельной собственности все, что принадлежало лицу, попадет в его наследственную массу. Если супруг недоволен, английский суд может по определенной формуле дать ему чуть больше, но наследственное дело в этом случае не встает «на стоп», распределение произойдет.

В Германии то же самое: открылось наследство — переживший умершего супруг может воспользоваться или не воспользоваться формулой приращения. В последнем случае его наследственная доля увеличивается, кажется, на одну четвертую.

— Что Вы думаете по поводу трансграничного наследства и раздела имущества? Например, Наталья Потанина, проиграв в российском суде, сейчас пытается получить порядка 6 млрд долларов в лондонском.

— Она воспользовалась оговоркой английского закона, согласно которой, если один из бывших супругов домицилируется в последующем в Англии, то суд, придя к выводу, что решение состоявшейся иностранной юрисдикции несправедливо, может пересмотреть спор. При этом первая инстанция сочла, что со стороны супруги Потанина это бракоразводный туризм. Апелляционная инстанция с решением не согласилась и видимо английский суд будет производить раздел имущества еще раз, руководствуясь собственными нормами.

Интерес определенных юрисдикций к зарабатыванию посредством своей судебной системы — тоже любопытный вопрос. У нас в институте запланировано исследование по вопросам трансграничного наследства. Возможна ситуация, когда гражданин оставил активы на территории России, хотя проживал за рубежом, или наоборот: проживал в России, но обзавелся активами по всему миру. У нас сейчас действует общая коллизионная норма, в соответствии с которой недвижимое имущество всегда наследуется по праву местонахождения, а движимое — по праву страны последнего местожительства. Страны общего права придерживаются аналогичного подхода, а страны Евросоюза перешли к другой модели [3], в рамках которой не происходит расщепления имущества наследодателя на две наследственные массы, наследуемые по-разному, с разным кругом конечных выгодоприобретателей и разными правилами ответственности по долгам кредитора. Здесь действует единый подход: где последнее местожительство, там и компетенция, и применимое наследственное право.

— Как Вы думаете, скажутся ли на форме семейной собственности цифровизация, сбор данных граждан и возможное введение цифрового рубля, ведь тогда, по сути, вся семейная бухгалтерия станет очевидна?

— Вряд ли мы уйдем от общности, к ней все привыкли, и законопроект предлагает сохранить

ее. Возможно, в этом случае делить наследство станет проще. Вопросы по поводу цифровизации и того, кто сколько заработал, — философские, этические. Должно ли быть имущественное неравенство между членами брачного союза? Как учитывать интересы детей?

— Насколько взвешенным, на Ваш взгляд, является дело Самыловских, где субсидиарная ответственность применена к детям бенефициара, один из которых был несовершеннолетним?

— Мне кажется, в этом деле Верховный Суд правильно указал: если есть признаки того, что контролирующее лицо выводило активы, то факт, что его не стало, не освобождает семью, получившую его состояние, от обязанности возместить убытки, причиненные компании и кредиторам в пределах стоимости унаследованного имущества. Но есть вопрос с распределением бремени доказывания: наследники против конкурсного управляющего. Наследники часто не знают нюансов ведения дел, какие решения были управленческими, рисковыми, где был вывод активов. И есть риск того, что они не смогут защититься там, где контролирующее лицо при жизни сумело бы это сделать. Бремя доказывания не должно быть таким же строгим, каким оно было для контролирующего лица.

— Здесь, наверное, очень важна роль суда?

— Да. Если наследники оказались в неловком положении, привлечены к субсидиарной ответственности, ничего не остается, кроме как воспользоваться еще одной новеллой 2015 г. — институтом банкротства умершего гражданина. Ответственность наследника за наследодателя не должна быть больше, чем стоимость унаследованного имущества. Как работает это правило? Во-первых, после открытия наследства стоимость унаследованного имущества может снизиться, а индикатор определения пределов ответственности остаться прежним. Это нехорошо. Во-вторых, имущество может перейти к наследнику, который не знал о долгах, выявившихся позднее, когда все уже истрачено на благотворительность, проедено и т. п. Потом выявляется ответственность, а денег-то нет.

Сейчас есть институт, позволяющий наследникам при появлении кредиторов заявить, что у них нет возможности заплатить. Наследник не хотел бы из личного имущества погашать долги наследственной массы, даже если это не приведет к превышению пределов ответственности в итоге. При таких обстоятельствах наследник может инициировать дело о банкротстве умершего. В этом случае вся субсидиарная ответственность пойдет в дело о банкротстве, в реестр требований кредиторов. И там эти требования окажутся в какой-то степени удовлетворенными, погашенными. На семью наследодателя они не перейдут.

— Как Вы думаете, нужны ли какие-то законодательные стимулы, которые заставили бы бизнесменов задуматься о том, как обеспечить непрерывность собственного бизнеса?

— В конечном итоге, все решает собственник, и ему виднее. Я, вообще, за то, чтобы многое использовать в благотворительных целях, а не передавать членам семьи, поскольку это губит их собственную инициативность. Но если речь идет о предприятии на ходу, то его ликвидация — это общий убыток. Пострадают все. Поэтому закон должен быть написан таким образом, чтобы в случае смерти предпринимателя предприятие сохранялось.

Какой сейчас есть выход из положения? Активы оформляются на юридических лиц. Если не стало индивидуального предпринимателя, то, во первых, транспортные средства в течение

двух недель снимаются с учета, деньги в банке замораживаются, наследникам выдается только остаток. Трудовые договоры по закону автоматически считаются прекращенными. И людям надо идти искать новую работу. Доверенности автоматически утрачивают свою силу.

Мы имеем ситуацию, когда закон условно вреден или не помогает. Смерть индивидуального предпринимателя — это ликвидация его бизнеса. У нас есть неработающая статья, кажется, 1178-я

«Наследование предприятий», где идея-то очень хорошая — обособить предприятие как имущественный комплекс от другого имущества предпринимателя, но она не работает, потому что для нас предприятие — это объект недвижимости. И если в реестре зарегистрированного недвижимого имущества такого объекта, как предприятие, нет, то, как бы ни был обособлен этот имущественный комплекс, в качестве предприятия он не рассматривается.

---

[1] Legal Insight. — 2017. — № 1 (57).
[2] Inheritance tax.
[3] Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза № 650/2012 «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании».

Евгений Петров Доцент Исследовательского центра частного права

ИНТЕРВЬЮ НАСЛЕДСТВО